

А. Ю. Стефаненко

Лесозаготовки в годы блокады Ленинграда

История лесозаготовок в годы блокады Ленинград изучена крайне фрагментарно. Авторы предпочитали говорить только об общих планах добычи леса¹. Главный мотив стремления людей отправиться на лесозаготовки исследователи видели в патриотизме населения. Вне их внимания остались вопросы организации лесодобычи накануне и в годы Великой Отечественной войны, особенности мобилизационных кампаний, социальные стороны жизни трудящихся на лесозаготовках.

В Ленинградской области крупнейшими организациями, занимавшимися добычей, первичной обработкой и поставкой леса, были Леспромтрест и Ленлес. Накануне Великой Отечественной войны эти две организации контролировали 58 предприятий². В это число входили не только лесопункты и сплавные конторы, но также обслуживающие учреждения. Не меньшее количество лесорубов имел трест Ленинградского металлургического завода, периодически фигурировавший в отчетах по добыче древесины в регионе³.

Еще в конце 1930-х гг. лесозаготовительные предприятия столкнулись с комплексом проблем. Условно кризисные явления можно разделить на организационные, кадровые и бытовые. К числу первых относится передача леспромхозов между трестами, когда из-за смены ведомства нарушалось нормальное функционирование предприятия. Только один Ефимовский леспромхоз меньше чем за полгода четыре раза сменил ведомственную подчиненность⁴. На локальном уровне это проявлялось и в спорах за лесосеки⁵. Конторы боролись с промышленными предприятиями и железными дорогами за наиболее выгодные лесные угодья⁶. Так, важный для строительства спелый лес отсутствовал в целом ряде районов области⁷.

Разделение зон выработки между лесопунктами обуславливало дифференциацию объемов работ и зарплаты трудящихся⁸. Особенно это было характерно для входивших в систему лесодобычи сплавных контор. Для руководителей лесопунктов не менее важным фактором являлось наличие поблизости колхозов и сельсоветов, позволявших обеспечить лесозаготовки рабочей силой и снабжением.

В августе 1938 г. было созвано совещание партийных организаторов леспромхозов и механизированных лесопунктов Ленинградской области. По мнению партийных работников, недостатки лесозаготовок обуславливались спецификой организации работы: лесопункты находились на расстоянии в 40–50 км друг от друга⁹; в среднем на 2 км² приходилось по 5–10 рабочих¹⁰; перемещение между пунктами занимало 2–3 дня¹¹. Ситуация усугублялась нехваткой на лесозаготовках ездовых лошадей¹². Основной причиной недостатков в функционировании лесозаготовительных пунктов являлась плохая постановка агитационно-пропагандистской работы. При этом многие партийные организаторы открыто сомневались в возможности и целесообразности создания агитационной сети на лесопунктах¹³. Не лучше обстояли дела и с руководящими кадрами. «Один из товарищей говорил, что сегодня пришлют бухгалтера, а назавтра его арестовывают. Приблизительно такое же положение и у нас — прислали замбухгалтера и ревизора. Один приехал, женился, начал пьянствовать, пришлось его уволить. Ревизор ехал в вагоне пьяным, начал хулиганить и сбежал — вот наши кадры»¹⁴.

Проблемы имелись с рабочими лесопунктов (кадровыми и сезонными) и с работавшими на лесозаготовках колхозниками. НКВД, которому подчинялись места заключения, также занимался лесозаготовками, однако его зоны добычи леса были отделены от территорий государственных лесопунктов. Еще до войны наблюдалась высокая текучесть кадров¹⁵. Механизированные пункты были обеспечены кадровыми рабочими только на 35–40 %¹⁶. По состоянию на 1940 г. в системе Ленпромтреста, Ленлеса и треста Ленинградского металлургического завода трудилось 13 038 сезонных и 16 541 постоянных рабочих¹⁷. Их было недостаточно, чтобы покрыть возростающие потребности Ленинграда в топливе и деловой древесине¹⁸. Дефицит рабочей силы должны были компенсировать колхозы. Только к Готовужскому лесопункту был прикреплен 121 колхоз, обязанный предоставлять рабочих и транспорт для выполнения заданий по заготовке дров¹⁹. Руководство видело причину недостатка рабочей силы в нежелании сельсоветов и колхозов отправлять крестьян на заготовки²⁰. В связи с нехваткой лесорубов имели место случаи привлечения рыбаков, что считалось грубым нарушением²¹. Часто руководство лесопунктов не могло договориться о распределении рабочих между заготовительными конторами. На практике стало нормой, когда трудящихся перемещали на другой участок или лесопункт и они сразу же возвращались обратно²².

Отсутствие стабильного кадрового состава трудящихся на лесозаготовках обуславливалось проблемами с оплатой труда. Руководителям лесной промышленности приходилось обманывать рабочих, поскольку не доставало средств на выплату премий и заработной платы²³. Этот фактор вел к постоянному оттоку лесорубов с заготовок²⁴.

Не лучше обстояла ситуация в жилищной сфере. Системы рабочих поселков не существовало. Жилые помещения были рассредоточены на больших расстояниях от 35 до 70 км друг от друга²⁵. Во многом это являлось следствием сложившейся практики перемещения лесорубов. Как только участок был вырублен, рабочий вместе с семьей перемещался на новое место²⁶. По этой причине самым распространенным жилищем служила землянка. Рабочие были вынуждены брать с собой из города постель (по внутренним правилам ново-прибывшему предоставлялся только топчан)²⁷. Рассредоточенность жилищ вела к проблеме снабжения рабочих продуктами питания, а лошадей — фуражом. Лесорубы были вынуждены покидать участки, чтобы привезти запасы из дома²⁸.

Недостаточной была и механизация, сочетавшаяся с низким уровнем владения техникой лесорубами²⁹. Требовалось до трех часов, чтобы завести мотопилу³⁰. Не хватало запчастей для небольших ручных механизмов³¹. Парк техники Ленпромтреста, Ленлеса и треста Ленинградского металлургического завода в 1940 г. состоял из 111 тракторов, 7 паровозов, 438 автомобилей. При этом значительная часть транспорта не использовалась из-за дефицита кадров трактористов и механиков³². Имелись проблемы с гужевым транспортом, не была развита железнодорожная сеть, не хватало проселочных дорог, из-за чего груз оставался на местах, что в условиях болотистой местности вело к порче дерева³³.

Руководство Ленинграда и Ленинградской области считало, что на лесозаготовках крайне низкая производительность труда и большое количество нарушений дисциплины. Так, по данным на 1 апреля 1941 г., с начала года в Тихвинском леспромхозе имели место 177 прогулов, 23 самовольных ухода с работы и 15 опозданий, которые совершили 215 человек³⁴.

Государственные планы по добыче древесины никогда не выполнялись в полном объеме. В 1940 г. план по заготовке был выполнен на 86%, а по вывозке — на 82%³⁵. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в Ленобласти с января по апрель 1941 г. была введена плата за трудовую и гужевую повинность и определены планы заготовки древесины — 1930 тыс. м³, вывозки — 2320 тыс. м³, подвозки — 1060 тыс. м³. От повинностей освобождались рабочие государственных предприятий, учреждений и транспорта, но не колхозники³⁶.

Накануне войны возникла идея начать вырубку леса в природоохранных зонах, в первую очередь во Всеволожском и Парголово-ском районах³⁷. Таким образом предполагалось решить проблему острой нехватки деловой древесины. Против этой идеи выступили некоторые сотрудники лесной промышлен-

ности, так как подобная вырубка привела бы к полному исчезновению деревьев во многих районах Ленинградской области³⁸. Критические замечания были отклонены, так как начавшаяся война привела к росту потребности во всех видах ресурсов³⁹.

С началом войны лесорубов стали массово призывать на оборонительные работы, что нанесло удар по отрасли. В июле 1941 г. отмечалось, что система лесной промкооперации, занимавшаяся выпуском лож для огнеметов, футляров для мин и имущества для Санитарного управления РККА, осталась практически без рабочих⁴⁰.

В результате мобилизационных кампаний лесозаготовительные предприятия были разделены на три группы⁴¹:

- первая группа — 5 предприятий, которые оставались на своих местах, а также 16 лесопунктов (последние из-за мобилизаций лишились 75–90 % рабочих, и их функционирование напрямую зависело от того, когда трудящиеся вернутся с оборонных работ)⁴²;
- вторая — 4 предприятия, которые после освобождения своих рабочих от трудовой повинности могли произвести подготовку к сплаву древесины по воде в 1942 г.;
- третья — 5 предприятий, прекративших свою работу и перемещенных в другие районы.

Продвижение немецких и финских войск вынудило оставшихся лесорубов предпринимать активные действия по доставке в Ленинград заготовленного леса. Осенью 1941 г. с левого берега Невы удалось переправить 102 тыс. м³ древесины⁴³, но убрать и спасти все имевшиеся запасы не удалось. Добытый еще в 1940 г. лес продолжал лежать на лесопунктах⁴⁴. К началу блокады площадь доступных лесных угодий сократилась в два раза⁴⁵. Из 58 предприятий Лесопромтреста и Ленлеса на территории не оккупированных районов осталось только 21⁴⁶.

С приближением зимы руководство Ленинграда начало мобилизацию населения на лесо- и торфоразработки. Был учтен опыт лета — осени 1941 г., когда отсутствие должного контроля вело к проблемам на оборонительных работах⁴⁷. Власти города обязали выдавать всем специальные книжки, в которых бы фиксировались нормы выработки⁴⁸.

На протяжении всей войны остро стоял вопрос с ресурсами. Возросло число нарушений и преступлений, связанных с нерациональным использованием ограниченных ресурсов и их кражей. Так, в январе 1942 г. уполномоченный завода № 174 им. Ворошилова скрыл, что на складах предприятия имелись запасы леса⁴⁹. В бухте Морья исчезло 4016 м³ древесины, которую забрали подразделения Краснознаменного Балтийского флота и зенитные части⁵⁰.

Для контроля на местах из Ленинграда направлялись уполномоченные обкома ВКП(б)⁵¹. Руководство города стало отказываться от не оправдавших себя репрессивных мер, таких как приравнивание отказавшихся от выполнения

работ к дезертирам, стремилось комбинировать различные методы мотивации населения. За мобилизованными сохранялось 50 % зарплаты по месту работы, а выплаты на лесозаготовках зависели от норм выработки⁵². Важной мотивацией стали повышенные нормы питания. Отправлявшимся на лесо- и торфоразработки полагалось 375 г хлеба в сутки, что было больше, чем по карточке рабочего⁵³. Но это не могло ликвидировать голод, и на лесопунктах призывали к переходу к котловому питанию⁵⁴.

В условиях блокады ослабли связи между различными элементами системы лесодобычи. Особенно это проявилось во взаимоотношениях между лесными участками, сельсоветами и леспромхозами, а также с партийным руководством Ленинграда⁵⁵. Целый ряд участков не создал условий для размещения прибывших рабочих⁵⁶.

Мобилизации зимы 1941–1942 гг., призванные решить проблему нехватки древесины, должны были обеспечить сбор уже имевшихся запасов дерева на определенных участках (так, группа рабочих вместе с техниками была отправлена в Лесной мол для оценки имевшихся ресурсов, их сбора и перевозки в соответствующие учреждения)⁵⁷ и разборку деревянных домов. Современники скептически относились не к самому факту сноса домов, сколько к логике, которой руководствовались местные власти. «Эта заготовка дров превратилась у нас в какую-то дикую оргию. Отправили совершенно неопытных людей, мужчин и женщин, ломать двух- и даже трехэтажные дома. Много убитых, масса искалеченных»⁵⁸. Отмечалось, что рабочие сносили маленькие хлипкие дома, которые почти не давали дров, или ломали большие строения, в которых правильнее было бы разместить людей⁵⁹. Подобные методы добычи дров не могли решить топливный кризис. Только в первой половине 1943 г. разбор деревянных домов дал 331 тыс. м³ дров⁶⁰. Помимо этого, осуществлялись непосредственные заготовки древесины, сбор хвой и древесной коры в области, в первую очередь в Парголовском и Всеволожском районах⁶¹. Для этих целей в Ленинграде в 1941 — начале 1942 г. прошло несколько мобилизаций⁶².

Власти города были вынуждены прибегать к постоянному увеличению числа мобилизованных на лесо- и торфоразработки, так как к концу 1941 г. стало очевидно, что в Ленинграде начался топливный кризис. По подсчетам партийных органов, для нормального функционирования города в зимний период (15 декабря 1941 — 1 апреля 1942 г.) требовалось 650 тыс. м³ дров, в то время как на складах имелось только 505 тыс. м³ древесины⁶³. Угля и мазута не хватало, а для использования торфа требовалось переоборудование топок. Массовый отток рабочих в армию и партизанские формирования резко сократил численность трудоспособного населения. В связи с этим начался массовый призыв оставшихся в Ленинграде жителей на лесозаготовки, но четкого плана отправки людей власти города не имели. В первую очередь мобилизации подлежали трудящиеся промышленных предприятий, находившихся на простое или консервации⁶⁴. Вместе с тем в годы блокады продолжалась практика введения

и отмены запретов для определенных категорий лиц. Так, отголоском довоенного прецедента стал запрет на отправку рыбаков на лесозаготовки⁶⁵.

Летом 1942 г. на лесозаготовки стали отправлять не только трудящихся за консервированных предприятий, но и рабочих заводов оборонной промышленности⁶⁶. Это вызвало недовольство хозяйственных работников, рассчитывавших после прорыва блокады в 1943 г. на прекращение массовых трудовых мобилизаций на лесозаготовки⁶⁷. В ответ на их критику было объявлено, что апелляции к оборонной принадлежности заводов не могут служить веским аргументом против решений вышестоящих органов. Председатель Ленгорисполкома П. С. Попков заявлял: «Не кичитесь своей оборонной продукцией. Если нам нужно будет взять народ на лесозаготовки или еще на какие-нибудь мероприятия, мы вас закроем»⁶⁸.

На пункты лесозаготовительных работ люди добирались самостоятельно: общественный транспорт не работал. Приходилось преодолевать расстояния в 30 км⁶⁹. Мобилизованные на лесопункт «Кирпичный завод» 160 работников железной дороги с трудом могли справляться с обязанностями. 50 из них находились в тяжелом состоянии и были отправлены в декабре 1941 г. обратно в Ленинград⁷⁰.

С весны 1942 г. с целью увеличить объем лесозаготовок началось продление сроков работ для уже мобилизованных трудящихся⁷¹. Предполагалось, что это поможет избежать постоянных перемещений одних и тех же людей. В действительности длительное нахождение трудящихся на заготовках привело к тому, что лесопункты стали закреплять их за собой, аргументируя это тем, что при условии двухгодичной работы мобилизованные становились кадровыми рабочими⁷². Войдя в штат предприятия, работник попадал под действие трудового законодательства, в первую очередь под указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., вводившего запрет на перемещения кадровых рабочих без согласия руководителей учреждений. Мобилизованные рабочие лишались возможности самостоятельно покинуть лесозаготовки без разрешения директора. Самыми частыми темами в письмах трудящихся были просьбы отпустить домой в связи с завершением мобилизации. Однако руководство лесной промышленности в подавляющем большинстве случаев отвечало отказом⁷³. Местные руководители особенно не желали отпускать портных, так как лесопункты испытывали острую нехватку одежды, а для ее пошивки требовались специально обученные люди⁷⁴.

Осенью 1942 г. еще одной формой мобилизации стали месячники по заготовке дров. Все трудоспособное население привлекалось к слову деревянных построек и рубке деревьев в свободное от основной работы время. Первый такой месячник прошел в Ленинграде с 1 сентября по 1 октября 1942 г.⁷⁵ Население было заинтересовано в таких мероприятиях, так как часть заготовок оно могло использовать для собственных нужд. Предполагалось, что рабочий должен заготовить 4 м³, из которых одна половина поступает в распоряжение

учреждений по месту работы, а вторая выдается трудящемуся⁷⁶. Достаточно отметить, что существовала практика приносить в бани полено, чтобы получить талон на горячую воду⁷⁷.

Весной 1942 г. Исполком Леноблсовета и бюро обкома ВКП(б) обратились в Государственный Комитет Обороны с просьбой предоставить исполкому право распределять дрова и деловую древесину, за исключением принадлежащих железным дорогам, для снабжения Красной армии и местных учреждений⁷⁸. Благодаря перевыполнению заготовительных планов северо-восточными районами предполагалось создание резервных фондов дров рядом с железнодорожными путями⁷⁹.

Кризисные явления на лесозаготовках не были изжиты к этому времени. Местные организации часто ждали указаний от властей, из-за чего отправка древесины затягивалась⁸⁰. К 1943 г. у властей Ленинграда сложилось мнение, что руководители лесной промышленности не понимают своих реальных возможностей. Городу было обещано не менее 8 барж с древесиной в сутки и любое количество вагонов по железнодорожным путям⁸¹. Но располагавшиеся вдоль линии сплава поселки не были задействованы в проталкивании бревен по воде⁸², из-за чего существовало опасение, что годовой план по лесосплаву будет выполнен едва ли наполовину⁸³.

Ленинград остро нуждался в круглом лесе⁸⁴, так как его поставки составляли всего 36,5% от минимальной потребности предприятий⁸⁵. Следствием этого стало увеличение числа мобилизаций в 1943 г.⁸⁶ Вводились новые требования, согласно которым рабочий должен в течение месяца отработать 25-дневную норму, после чего может покинуть лесозаготовки⁸⁷. Власти Ленинграда рассчитывали, что трудящиеся будут стремиться к досрочному выполнению норм, чтобы поскорее вернуться домой.

В условиях блокады ухудшилось снабжение инструментами (в частности, наблюдалась нехватка напильников⁸⁸) и гужевым транспортом на лесозаготовках. В 1943 г. усилились жалобы на то, что лошадей забирают на перевозку овощей⁸⁹.

В связи с освобождением территорий и увеличением лесных площадей после прорыва блокады возникла проблема выявления непорченной древесины. В зонах боевых действий деревья содержали остатки пуль и снарядов, что затрудняло лесодобычу⁹⁰. Такой лес не мог квалифицироваться как источник цельной древесины, так как повреждения внутри дерева не позволяли получить из него бревно для строительных работ или доску.

Руководящие партийные работники, как и до войны, придавали большое значение агитационно-пропагандистским мероприятиям⁹¹. В 1943 г. срок работы всех агитаторов на лесозаготовках был продлен⁹², однако это не помогло решить возникавшие на участках проблемы. Часто административные работники появлялись на трассах и пунктах раз в декаду⁹³. Организация труда продолжала оставаться главным недостатком лесопунктов. Новые кадры из училищ были

выпущены только в 1943 г. и лишь в конце блокады на местах стала формироваться сеть по подготовке лесорубов⁹⁴.

Подготовленная в апреле 1944 г. справка о работе лесозаготовительных организаций в 1941–1942 гг. свидетельствовала об отсутствии точного учета мобилизованных на лесозаготовки, а также сводных отчетов. За этот период из Ленинграда было мобилизовано 10 тыс. человек, 10 тыс. колхозников трудилось на заготовках леса в северо-восточных районах⁹⁵. Таким образом, общее число мобилизованных только за период конца 1941 — начала 1942 г. составляет 20 тыс. человек. Очевидно, в тексте речь идет о планах, а не о реальном числе работавших. Не учитывался тот факт, что летом 1942 г. началась эвакуация населения из Ленинграда с целью превращения его в военный город⁹⁶. По данным на 1 июля 1943 г., всего в области работало 48 690 человек, из которых 3792 (7,6%) принимало участие в лесозаготовках⁹⁷. Вместе с тем только в системе Ленлеса в первом квартале 1943 г. числилось 29 500 человек⁹⁸. Опираясь на фрагментарные данные, можно предположить, что через мобилизационные кампании на лесозаготовки в 1941–1944 гг. прошло не менее 40 тыс. человек. При этом практика отправки населения не завершилась со снятием блокады, так как для восстановления Ленинграда требовалось значительное количество ресурсов, а приток в город рабочей силы был ограничен.

Вследствие военных действий и большого притока мобилизованных на лесозаготовки ухудшились жилищно-бытовые условия рабочих. В августе 1942 г. на Самарском участке Невского лесхоза случился пожар, вызванный попаданием артиллерийского снаряда. Полностью были уничтожены жилые деревянные здания, в которых проживало 280 человек. Все рабочие вместе с семьями были временно перемещены в палатки в 2 км от прежнего места жительства, однако к началу зимы им не предоставили новых жилых помещений. Созданные землянки не решали вопрос нехватки мест. Большинство из них не имело наружного и внутреннего освещения, топились по-черному, из-за чего невозможно было долго находиться внутри⁹⁹. Поселку требовались стройматериалы для сооружения жилых построек и пекарен, а также столовые принадлежности¹⁰⁰.

Продолжались проблемы с выплатой заработной платы. Были случаи разной оплаты одной и той же выполненной работы¹⁰¹. В целом выплаты жалования работникам не имели такого эффекта, как до войны. В условиях голода важным стало премирование продуктами питания. Вместе с тем снабжение продовольствием мобилизованных оставалось недостаточным. Весной 1942 г. для лесорубов были пересмотрены в сторону увеличения нормы выдачи¹⁰². Вместо 375 г хлеба рабочие получали 600 г, а при перевыполнении норм — еще больше, вплоть до 800 г. Достаточно поздно лесорубы были приравнены по нормам снабжения к рабочим торфоразработок¹⁰³. По нормам 1943 г., трудящиеся лесоконтор должны были получать в день 100 г крупы, 100 г мяса или рыбы, 500 г овощей и 20 г жиров. Кондитерские изделия и сахар выдавались объемом 500 г в месяц¹⁰⁴. В действительности рабочий получал лишь 40–50%

этих норм, за исключением сахара¹⁰⁵. В 1943 г. дважды менялись нормы снабжения рабочих, дифференцируясь и идя в сторону увеличения¹⁰⁶. В этом же году сборщики хвойных лапок были приравнены по обеспечению питанием к лесорубам¹⁰⁷. Однако это не устранило поток жалоб. «А вот сейчас прошло уже 6 месяцев, нас с лесозаготовок перевели на сенокос, ходим по 7–8 км в один конец босые, раздетые, приходим мокрые, а переодеть нечего, начальник эшелона уехал от 20.VII, а комиссар уехал 10.VII и вот мы брошены на произвол судьбы, с питанием у нас плохо, кормят 2 раза в день, суп ржаной 500 г, каша ржаная 175 г, в 6 ч. утра и то же в 18 ч. и хлеба 0,6 кг в день, но еще 200 г нам давали по списку, в случае выполнения наряда, но этим хлебом нас все время упрекают, больные его не получают»¹⁰⁸.

Наблюдались перебои со снабжением продуктами лесопунктов и контор¹⁰⁹. В ходе проверок выяснилось, что бытовое обслуживание и питание на ряде участков не соответствует установленным нормам¹¹⁰. Для решения проблем на лесозаготовках были отправлены руководящие работники сферы общественного питания, которым поручалось наладить снабжение населения¹¹¹. Это не помогло ликвидировать недочеты, и партийным органам пришлось постоянно держать ситуацию на местах под контролем¹¹².

Сохранился значительный массив писем 1943 г. с жалобами на условия жизни на лесозаготовках. В среднем их подписывало 600–800 человек¹¹³. Зачастую рабочие жаловались на отсутствие спецодежды и резиновой обуви¹¹⁴. Руководители лесной промышленности стремились показать, что жалобы не имеют никаких оснований, ссылаясь на то, что к моменту получения писем в Ленинграде на местах уже произошли необходимые изменения¹¹⁵. В случаях, когда требовалась специальная экспертиза, медицинские работники могли указать, что проблемы со здоровьем возникли еще до отправки на лесозаготовки. Так, отмечалось, что группа больных ревматизмом трудящихся начала страдать от болей не во время работы на сплаве древесины, а еще до приезда в контору¹¹⁶.

Подобные жалобы могли не стать предметом разбирательства, если бы не случай, произошедший с комсомольским пожарным полком. 750 человек 17 февраля 1943 г. были отправлены на лесозаготовки в Тихвинский район¹¹⁷. По прибытию они столкнулись с произволом начальства и невозможными условиями жизни, в связи с чем комсомольцы написали заявление на имя И. В. Сталина¹¹⁸. Письмо с коллективной жалобой комсомольцев было отправлено в органы лесной промышленности Ленинграда¹¹⁹, однако текст дошел и до приемной народного комиссара обороны. Начался разбор дела высшими партийными органами Ленинграда¹²⁰. При выяснении обстоятельств случившегося были обнаружены типичные для лесных пунктов нарушения. Имели место антисанитария в общежитиях, плохое питание и конфликты между руководителями участков и мобилизованными по трудовой повинности¹²¹. Помимо этого, по отношению к комсомольцам применялись репрессивные меры, в том числе отказ в выдаче продуктов питания¹²². Несмотря на то что полк был рас-

пущен и должен был в полном составе вернуться в Ленинград, руководство лесозаготовок отпустило только командиров, а остальных зачислило в штат как кадровых рабочих¹²³. Виновные в злоупотреблениях были привлечены к партийной и судебной ответственности¹²⁴. Вместе с тем дело комсомольского противопожарного полка не стало прецедентом для лесной промышленности. Бытовые условия продолжали оставаться проблемой. Партийные органы города и области были вынуждены постоянно разбираться с новыми нарушениями на местах¹²⁵.

Характеризуя деятельность лесозаготовительных пунктов в годы Великой Отечественной войны, можно говорить о том, что с началом военных действий Ленинград столкнулся с острой нехваткой ресурсов. По этой причине начались изменения во всех организациях, связанных с добычей полезных ископаемых, торфа и леса. Вместе с тем перестройка системы управления шла медленно, а глубинные причины кризисных явлений к началу блокады не были ликвидированы. Еще до войны был разработан план по экстенсивной добыче леса, в том числе в природоохранных зонах. В течение 1941–1944 гг. переход к интенсивным методам добычи был невозможен, из-за чего руководство Ленинграда прибегало к методам мобилизации населения на трудовые работы.

Мобилизационные кампании на лесозаготовки свидетельствуют об отсутствии продуманной системы использования человеческих ресурсов. Организация труда не была налажена еще накануне войны, а блокадная зима 1941–1942 гг. вынудила проводить все новые и новые мобилизации. При этом были учтены ошибки первых месяцев войны. Власти стали отказываться от применения исключительно репрессивных мер в связи с тем, что они не давали положительных результатов. Постоянно увеличивались методы стимуляции к работе посредством премирования за перевыполнение норм. Вместе с тем бытовые условия не могли удовлетворить даже минимальные потребности мобилизованного населения.

Зима 1941–1942 гг. стала важной точкой в истории заготовок. Боязнь повторения энергетического и топливного кризиса вынуждала увеличивать нормы рубки, траления и отправки леса в город. Однако лесные конторы не могли справиться с возросшей нагрузкой. Война усилила желание местного руководства создать собственную ресурсную базу, что привело к возобновлению после блокады поиска новых источников топлива рядом с Ленинградом¹²⁶.

¹ См., например: На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965. С. 254, 308.

² Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2019. С. 321.

- 3 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 4853. Л. 7–8.
- 4 Там же. Д. 5010. Л. 1.
- 5 Участок леса, выделенный лесному хозяйству для работ. На лесосеках могла осуществляться вырубка деревьев и хранение бревен до их отправки.
- 6 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5112. Л. 16.
- 7 Там же. Л. 14.
- 8 Там же. Д. 2688. Л. 16.
- 9 Там же. Л. 3.
- 10 Там же. Д. 2689. Л. 2.
- 11 Там же. Д. 2688. Л. 5.
- 12 Там же. Л. 15.
- 13 Там же. Л. 5; Ф. 497-Л. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.
- 14 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 2688. Л. 17.
- 15 Там же. Д. 2689. Л. 2.
- 16 Там же. Л. 5.
- 17 Там же. Оп. 2-В. Д. 4853. Л. 7.
- 18 Деловая древесина использовалась для промышленных нужд.
- 19 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13. Д. 1521. Л. 1.
- 20 ЦГАИПД СПб. Ф. 1627-Л. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 21 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5226. Л. 7, 9–10.
- 22 ЦГАИПД СПб. Ф. 1248-Л. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
- 23 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4.
- 24 Там же. Д. 2694. Л. 5.
- 25 Там же. Д. 2689. Л. 2.
- 26 За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб., 2010. С. 49.
- 27 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 2689. Л. 5.
- 28 Там же. Оп. 2-В. Д. 5112. Л. 81.
- 29 Там же. Д. 4827. Л. 65; Оп. 2. Д. 2689. Л. 1.
- 30 Там же. Д. 2694. Л. 3.
- 31 Там же. Оп. 2-В. Д. 5393. Л. 33.
- 32 Там же. Д. 4853. Л. 8.
- 33 Там же. Оп. 2. Д. 2689. Л. 4.
- 34 ЦГАИПД СПб. Ф. 746-Л. Оп. 2. Д. 1. Л. 70.
- 35 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 4853. Л. 6.
- 36 Там же. Д. 4760. Л. 51.
- 37 Там же. Д. 5112. Л. 14–17.
- 38 Там же. Л. 15.
- 39 Там же. Л. 13.
- 40 Там же. Д. 5240. Л. 2.
- 41 Там же. Д. 5394. Л. 3–4.
- 42 Там же. Л. 3 об.
- 43 Там же. Д. 6062. Л. 1.
- 44 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. III. СПб., 2022. С. 1261.
- 45 *Кардашов В. И.* Ближе всех к Ленинграду. С. 60.
- 46 Оборона Ленинграда. 1941–1945. С. 321.
- 47 См., например: Блокада в решениях... Ч. I. СПб., 2019. С. 44.
- 48 Ленинградская правда. 1942. 5 марта.
- 49 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5880. Л. 1–3.
- 50 Там же. Д. 6063. Л. 3.
- 51 Блокада в решениях... Ч. I. С. 684.

- ⁵² Там же. С. 486.
- ⁵³ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. (1941 год). М., 1961. С. 147.
- ⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1000-Л. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5153-В. Л. 1.
- ⁵⁷ Блокада в решениях... Ч. I. С. 504.
- ⁵⁸ Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. 3-е изд. М., 2017. С. 364.
- ⁵⁹ Там же. С. 365.
- ⁶⁰ Ковальчук В. М. Магистраль мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943. СПб., 2001. С. 407.
- ⁶¹ Блокада в решениях... Ч. I. С. 398, 430, 632.
- ⁶² Там же. С. 274, 493, 634; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-А. Д. 204. Л. 10, 16–17.
- ⁶³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 130. Л. 61.
- ⁶⁴ Блокада в решениях... Ч. I. С. 204–205, 768.
- ⁶⁵ Там же. С. 753–754.
- ⁶⁶ Там же. Ч. II. СПб., 2020. С. 238.
- ⁶⁷ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь — декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. СПб., 2018. С. 194.
- ⁶⁸ Там же. С. 214.
- ⁶⁹ Худякова Н. Д. За жизнь ленинградцев. Л., 1958. С. 48.
- ⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 6098. Л. 1.
- ⁷¹ Блокада в решениях... Ч. II. С. 37, 238.
- ⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13-Б. Д. 2. Л. 65.
- ⁷³ См., например: Ответ на просьбу женщины разрешить ей вернуться домой в связи с тем, что ее дети и престарелая мать не могут вести домашнее хозяйство. «Вы мобилизованы правильно, так как с Вашими детьми и домашним хозяйством вполне может справиться Ваша мать» (Там же. Л. 193).
- ⁷⁴ Там же. Д. 10. Л. 22.
- ⁷⁵ Блокада в решениях... Ч. II. С. 445–446.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 56.
- ⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-А. Д. 204. Л. 3.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 2-В. Д. 5752. Л. 29; Д. 5753. Л. 11–12.
- ⁸⁰ Там же. Д. 6063. Л. 1.
- ⁸¹ Там же. Д. 6322. Л. 42.
- ⁸² Там же. Л. 42 об.
- ⁸³ Там же. Л. 72 об.
- ⁸⁴ Спиленные стволы деревьев, с которых срезали ветки и верхушки. Используется для строительных работ.
- ⁸⁵ Там же. Д. 6336. Л. 86.
- ⁸⁶ Блокада в решениях... Ч. III. С. 200–201, 241–242, 394, 440, 1241, 1256, 1386–1387.
- ⁸⁷ Там же. С. 1394.
- ⁸⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1248-Л. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 746-Л. Оп. 2. Д. 4. Л. 5 об.
- ⁹⁰ 900 блокадных дней: Сб. воспоминаний / Отв. ред. Л. А. Волкова. Новосибирск, 2004. С. 260.
- ⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1248-Л. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; Блокада в решениях... Ч. III. С. 407.
- ⁹² Там же. С. 500.
- ⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13-Б. Д. 10. Л. 18.
- ⁹⁴ Блокада в решениях... Ч. III. С. 1288, 1520.
- ⁹⁵ Оборона Ленинграда. 1941–1945. С. 321–323.

- ⁹⁶ Блокада в решениях... Ч. II. С. 574.
⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 6337. Л. 3.
⁹⁸ Там же. Д. 6486. Л. 1.
⁹⁹ Там же. Д. 5844. Л. 6.
¹⁰⁰ Там же. Л. 8 — 8 об.
¹⁰¹ Там же. Л. 6 об.
¹⁰² Блокада в решениях... Ч. II. С. 20–21.
¹⁰³ Там же. С. 274.
¹⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 6486. Л. 1.
¹⁰⁵ Там же.
¹⁰⁶ Там же. Л. 7; Оп. 13-Б. Д. 8. Л. 10.
¹⁰⁷ Блокада в решениях... Ч. III. С. 911.
¹⁰⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13-Б. Д. 8. Л. 24.
¹⁰⁹ Там же. Д. 10. Л. 12.
¹¹⁰ Там же. Л. 1.
¹¹¹ Блокада в решениях... Ч. III. С. 387.
¹¹² Там же. С. 1217, 1256, 1304, 1442.
¹¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13-Б. Д. 10. Л. 19.
¹¹⁴ Там же. Л. 18; Д. 2. Л. 3 — 3 об.
¹¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 10.
¹¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 9.
¹¹⁷ Блокада в решениях... Ч. III. С. 206.
¹¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4814. Л. 29 — 29 об.
¹¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 13-Б. Д. 5. Л. 1.
¹²⁰ Блокада в решениях... Ч. III. С. 780–781.
¹²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4814. Л. 30–31.
¹²² Там же. Л. 31.
¹²³ Там же.
¹²⁴ Блокада в решениях... Ч. III. С. 780–781.
¹²⁵ Там же. С. 1217, 1256, 1304, 1442.
¹²⁶ Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда. Л., 1977. С. 196.

References

900 blokadnyh dnei: Sb. vospominanij [900 days of blockade: The collection of memories. In Russ.] / Otv. red. L. A. Volkova. Novosibirsk, 2004.

Blokada v reshenijah rukovodjashhij partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Post-anovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij / Otv. sost. K. A. Boldovskij. Chast' I. Ijun' 1941 g. — mart 1942 g. [The Siege in the decisions of the leading party organs of Leningrad. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional party bureau, meetings transcripts. Vol. 1. June 1941 — March 1942. In Russ.] Saint Petersburg, 2019.

Blokada v reshenijah rukovodjashhij partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Post-anovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij / Otv. sost. K. A. Boldovskij. Chast' II. Mart — dekabr' 1942 g. [The Siege in the decisions of the leading party organs of Leningrad. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional party bureau, meetings transcripts. Vol. 2. March — December 1942. In Russ.] Saint Petersburg, 2020.

Blokada v reshenijah rukovodjashhij partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Post-anovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij / Otv. sost. K. A. Boldovskij. Chast' III. Yanvar' 1943 g. — yanvar' 1944 g. [The Siege in the decisions of the leading party organs of Lenin-

grad. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional party bureau, meetings transcripts. Vol. 3. January 1943 – January 1944. In Russ.] Saint Petersburg, 2022.

HUD'JAKOVA N. D. *Za zhizn' leningradcev* [For the lives of Leningraders. In Russ.] Leningrad, 1958.

KARDASHOV V. I. *Blizhe vseh k Leningradu. Severo-vostochnye rajony Leningradskoj oblasti 1941–1944 gg.* [Closest to Leningrad. North-East districts of Leningrad region 1941–1944. In Russ.] Leningrad, 1986.

KOVAL'CHUK V. M. *Magistrali muzhestva. Kommunikacii blokirovannogo Leningrada. 1941–1943.* [Highways of courage. The communications of the besieged Leningrad. 1941–1943. In Russ.] Saint Petersburg, 2001.
Na zashhite Nevskoj tverdyni. Leningradskaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. [On the protection of the Neva Stronghold. Leningrad party organization during the Great Patriotic War. In Russ.] Leningrad, 1965.

Oborona Leningrada. 1941–1945. Dokumenty i materialy [The Defense of Leningrad. 1941–1945. Documents and materials. In Russ.] / Otv. red. A. K. Sorokin. Moscow, 2019.

PAVLOV D. V. *Leningrad v blokade. (1941 god).* [Leningrad in the siege. (1941). In Russ.] Moscow, 1961.

SHAPORINA L. V. *Dnevnik.* Izd. 3-e. T. 1. [The Diary. Vol. 1. In Russ.] Moscow, 2017.

Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta: yanvar' – dekabr' 1943 g. Zapisi dokladov, obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya: Sbornik dokumentov. [Transcripts of the Executive Committee of the Leningrad City Council: January – December 1943. Recording of discussions, comments on projects, the decisions: the compilation of documents. In Russ.] Saint Petersburg, 2018.

Trudy gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga. Vyp. 8. [The works of the state museum of history of Saint-Petersburg. Vol. 8. In Russ.] Saint Petersburg, 2004.

Vozrozhdenie. Vospominaniya, ocherki i dokumenty o vosstanovlenii Leningrada. [Revival of industry. The memoirs, essays and documents of Leningrad restoration. In Russ.] Leningrad, 1977.

Za blokadnym kol'com. (Vospominaniya) [Behind the blockade ring. (The memories). In Russ.] Saint Petersburg, 2010.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Стефаненко. Лесозаготовки в годы блокады Ленинграда // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 30–44

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы организации труда на лесопунктах в годы блокады Ленинграда. До Великой Отечественной войны в работе лесозаготовительных контор имелись значительные недостатки, которые так и не были ликвидированы к лету 1941 г. По этой причине преобладал экстенсивный характер заготовки древесины, продолжавший сохраняться в годы блокады. В связи с топливным кризисом руководство Ленинграда стало прибегать к мобилизациям населения на трудовые работы по рубке леса и слому деревянных домов. Постепенно происходил отказ от использования преимущественно репрессивных методов воздействия на рабочих. Вместо этого стали применяться иные способы мотивации, в том числе увеличение снабжения трудящихся продуктами питания. Несмотря на это, лесозаготовительные работы продолжали оставаться проблемой, что во многом обуславливалось возросшей потребностью в древесине для промышленности Ленинграда.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда, трудовые мобилизации, Ленинградская область, топливные ресурсы, лесозаготовки.

FOR CITATION

A. Yu. Stefanenko. Logging during the siege of Leningrad // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2022, pp. 30–44

Abstract: The article dwells on the issues of labour organisation at forest camps during the siege of Leningrad. Before the Great Patriotic War the work of logging offices has been significant problems, which were not eliminated by the summer of 1941. The extensive nature of timber harvesting has prevailed before the blockade and continued to persist during the siege. The Leningrad's leadership started the practice of labour

mobilisation to prevent the increasing fuel crisis. People were sent for working on logging and disassembling of wooden houses. During the blockade, the city administration rejected to use only repressive methods and increased measures to motive workers by the food supply. Despite this, logging continued to be a problem due to the growing demand for wood for Leningrad industry.

Key words: The siege of Leningrad, labour mobilisations, Leningrad Oblast, fuel resources, logging.

Автор: **Стефаненко, Александр Юрьевич** — к.и.н., младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Stefanenko, Alexander Yurievich** — PhD in History, junior researcher of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: stisawesome1@gmail.com